

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Первородный
грех

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James

ORIGINAL SIN

Перевод с английского *И. Бессмертной*

Компьютерный дизайн *Э.Кунтыш*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Первородный грех : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ; [пер. с англ. И. Бессмертной]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-100538-2

Литературный мир Лондона потрясен таинственным убийством!
Труп ведущего сотрудника одного из крупнейших издательств
Англии обнаружен прямо на рабочем месте...

Многоопытный следователь Адам Дэлглиш начинает расследование и сразу же понимает: убитый успел нажать много врагов и мотивы совершить преступление были у каждого.

У брошенной любовницы...

У оскорбленного писателя, чей роман был отвергнут...

У обиженных коллег...

Список подозреваемых — все длиннее. Но виновен лишь один из них.

Кто?!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1994

© Перевод. И. Бессмертная, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100538-2

Книга первая

ПРЕДИСЛОВИЕ К УБИЙСТВУ

1

Для секретаря-стенографистки, только что получившей временную работу, присутствовать при обнаружении трупа в первый же рабочий день на новом месте — происшествие если не уникальное, то в любом случае достаточно редкое, чтобы считаться рядовой служебной неприятностью. Мэнди Прайс, признанная звезда агентства миссис Крили по найму секретарей, носившего звучное имя «Идеал», всего два месяца назад отпраздновала свой девятнадцатый день рождения. Вполне естественно, что утром 14 сентября, во вторник, она отправилась на собеседование в издательство «Певерелл пресс», испытывая несколько не больше страха и волнения, чем обычно при поступлении на новую работу: эти чувства никогда не мучили ее слишком сильно и коренились не столько в боязни, что она может не соответствовать ожиданиям своего будущего начальства, сколько в опасении, что будущее начальство может не соответствовать ее собственным ожиданиям. О новом месте она узнала в прошлую пятницу, когда в шесть вечера зашла в агентство, чтобы получить плату за скучнейшую двухнедельную работу у некоего директора, который полагал, что наличие секретарши — символ высокого статуса, но понятия не имел, как следует использовать ее профессиональные умения и навыки. Так что Мэнди была вполне готова к чему-нибудь новому и даже волнующему, хотя, возможно, и не столь волнующему, как то, с чем ей пришлось теперь столкнуться.

Миссис Крили, у которой Мэнди работала вот уже три года, руководила агентством, размещавшимся поч-

ти на самой Уайтчепел-роуд* в двух небольших комнатках над газетным киоском и табачным ларьком — местоположение, как миссис Крили любила подчеркивать в разговорах со своими сотрудницами и клиентами, весьма удобное и для Сити, и для крупных доклендских контор. Ни та ни другая из двух упомянутых сторон пока не способствовали бурному процветанию агентства, но в то время, как другие подобные предприятия захлебывались и погибали в волнах экономического спада, уютное и недогруженное суденышко миссис Крили все еще кое-как держалось на плаву. Если не считать помощи какой-нибудь из сотрудниц, когда у той не было работы на стороне, миссис Крили справлялась со всеми делами в одиночку. Первая — проходная — комната служила офисом миссис Крили, где она умиротворяла клиентов, проводила собеседования с девушками, желавшими стать сотрудницами агентства, и распределяла работу на следующую неделю. Второе помещение было святая святых самой хозяйки. Там находились диван-кровать, где она иногда проводила ночь — вопреки строгим условиям арендного договора, — и стенной шкаф, открыв дверцы которого вы обнаруживали мини-кухню, огромный телевизор и два глубоких кресла перед камином, где газовое пламя лизало красноватыми языками искусственные поленья. Хозяйка называла все это «мой уютный уголок», и Мэнди была одной из немногих счастливиц, допускаясь в его уединенные пределы.

Скорее всего этот «уютный уголок» и заставлял Мэнди хранить верность агентству, хотя сама она ни за что открыто не призналась бы в этом стремлении к уюту, которое казалось ей постыдной детской слабостью. Мать ее бросила семью, когда дочери исполнилось шесть лет, а сама Мэнди еле дождалась своего шестнадцатилетия, чтобы уйти от отца, считавшего, что отцовские обязанности практически исчерпываются обеспечением двухразового питания в сутки, причем готовить еду должна была Мэнди, а также покупкой для девочки кое-какой одежды. Весь последний

---

* *Уайтчепел-роуд* — улица, ведущая от центра Лондона к району Уайтчепел — одному из беднейших микрорайонов Ист-Энда, большого промышленного и портового района Лондона, расположенного к востоку от лондонского Сити. *Доклендс* — часть Уайтчепела, занятая доками, складами и судоремонтными заводами. —

год она снимала комнату в террасном доме* в Стрэтфорд-Исте, поддерживая враждебно-дружеские отношения с тремя соседками по квартире. Главным поводом для язвительных стычек был мотоцикл Мэнди «ямаха»: она настаивала на том, что он должен стоять в тесной общей прихожей. Но именно «уютный уголок» на Уайтчепел-роуд, полный смешанных запахов вина и еды, принесенной из китайского ресторанчика, тихое шипение газового пламени в камине, потрепанные глубокие кресла, где она могла свернуться калачиком и поспать, давал ей то, что, как ей представлялось, походило на домашний уют, даривший чувство покоя и защищенности.

Миссис Крили, с бутылкой хереса в одной руке и листком из блокнота для записей в другой, передвигая в губах сигаретный мундштук так, что в результате ей удалось загнать его в уголок рта, где он, как это обычно бывало, повис, опровергая закон гравитации, шурилась, разглядывая сквозь огромные роговые очки собственный неразборчивый почерк.

— Это наш новый клиент, Мэнди, — издательство «Певерелл пресс». Я посмотрела в справочнике. Фирма — одна из самых старых, может, даже самая старая в Англии, основана в 1792 году. Стоит у самой реки. Адрес — «Певерелл пресс», Инносент-Хаус, Инносент-Уок, в Уоппинге. Если тебе приходилось ездить по реке в Гринвич**, ты наверняка видела этот дом. Чертовски похож на какой-то знаменитый венецианский дворец. У них наверняка имеется катер, чтобы доставлять сотрудников от пирса на Черинг-Кросс, но тебе это не поможет — ведь ты живешь в Стрэтфорд-Исте. Впрочем, Инносент-Хаус — на твоей стороне Темзы, это упрощает дело. Думаю, тебе стоит взять такси. И не забудь — с тобой должны расплатиться, так что не уходи, пока не получишь чек.

— Это без проблем. Поеду на мотоцикле.

— Как хочешь. Им надо, чтобы ты явилась туда во вторник, к десяти утра.

---

* *Террасный дом* — один из непрерывного ряда небольших стандартных домов, построенных вдоль улицы (особенно в рабочих районах).

** *Гринвич* — пригород южного Лондона. До 1948 г. там находилась Гринвичская астрономическая обсерватория.

Миссис Крили собралась было высказать предположение, что ради такого престижного нового клиента стоило бы выбрать соответствующий случаю строгий костюм, но удержалась. Мэнди с готовностью прислушивалась к некоторым советам, касавшимся работы или даже манеры вести себя, но ничего и слышать не хотела об эксцентричных, а иногда весьма причудливых творениях, облачаясь в которые она пыталась выразить свою уверенность в себе и кипучий темперамент.

— А почему во вторник? — спросила она. — Они что, по понедельникам не работают?

— Вопрос не ко мне. Знаю только, что позвонила некая девица и сказала — во вторник. Вероятно, мисс Этьенн не может побеседовать с тобой до вторника. Это одна из директоров фирмы, и она хочет лично с тобой поговорить. Мисс Клаудиа Этьенн. У меня все записано.

— А с чего вдруг такой сыр-бор? Зачем это их боссу со мной беседовать?

— Она всего лишь один из боссов. Им важно знать, кого они берут. Им нужна самая лучшая, я и посылаю самую лучшую. Конечно, может случиться, что они ищут кого-то на постоянную работу и хотят сначала человека испытать. Ты уж, пожалуйста, не дай им себя уговорить, а, Мэнди?

— А разве я когда-нибудь?..

Приняв из рук миссис Крили бокал сладкого хереса и по-кошачьи свернувшись в глубине одного из кресел, Мэнди принялась изучать записи. Конечно, это странно, что собеседование при приеме на работу собирается вести сам наниматель, пусть даже клиент — как теперь это издательство — новый и ничего не знает об агентстве. Рутинная процедура обычно хорошо известна всем ее участникам. Попавший в затруднительное положение наниматель просто звонил миссис Крили и просил прислать секретаря-стенографистку для временной работы, но на этот раз девушку грамотную, умеющую печатать со скоростью хотя бы не намного ниже стандартной. Миссис Крили, обещая чудеса пунктуальности, профессионализма и добросовестности, посылала любую из свободных в тот момент сотрудниц, если та поддавалась на уговоры только для пробы там поработать, надеясь, что на этот раз ожидания нанимателя и нанимаемой все-таки могут совпасть. На следовав-

шие затем жалобы клиента миссис Крили неизменно отвечала расстроенным тоном:

— Просто не понимаю, что с ней произошло У нее самые хвалебные отзывы от других наших клиентов. Меня всегда просят прислать именно Шэрон.

Наниматель, которого сначала заставили почувствовать, что катастрофа произошла в какой-то мере по его вине, а потом уговаривали, ободряли и терпеливо выслушивали до тех пор, пока недоразумение не улаживалось, со вздохом облегчения опускал трубку на рычаг, а штатная сотрудница агентства возвращалась туда под приветственные крики коллег. Миссис Крили получала комиссионные, гораздо более скромные, чем обычно брали другие, — возможно, этим и объяснялось ее столь длительное существование на предпринимательской стезе, — и со сделкой было покончено, пока новая эпидемия гриппа или летних отпусков не приводила к новым победам надежд над жизненным опытом.

— Можешь взять выходной в понедельник, Мэнди, — сказала миссис Крили. — Разумеется, с полным сохранением содержания. И распечатай-ка все про свою квалификацию — дипломы, аттестации, стаж работы, где работала... А сверху поставь «Curriculum vitae»* — это всегда производит впечатление.

Curriculum vitae Мэнди, да и она сама, несмотря на ее эксцентричный вид, и вправду всегда производили впечатление. Этим она была обязана своей учительнице английского языка миссис Чилкрофт. Миссис Чилкрофт, устремив взор на свой новый класс неуправляемых одиннадцатилеток, решительно заявила:

— Вы научитесь писать на родном языке просто, ясно и даже с некоторой элегантностью и говорить на нем так, чтобы не оказаться в невыгодном положении, едва успев открыть рот. Если хоть одна из вас стремится к чему-то большему, чем выскочить замуж в шестнадцать лет и растить детей в дешевой муниципальной квартире, язык будет совершенно необходим. Если даже у вас нет иных стремлений, как быть на содержании у какого-нибудь мужчины или у государства, язык вам тем более понадобится, хотя бы для

* Curriculum vitae (*лат.*) — жизненный путь, краткое жизнеописание.

того, чтобы взять верх над чиновниками в местном отделе обслуживания или не ударить в грязь лицом в министерстве социального обеспечения. Но в любом случае языку вам придется научиться.

Мэнди так и не смогла решить для себя, чего больше вызвала в ней миссис Чилкрофт — ненависти или восхищения. Однако под вдохновенным, хотя и совершенно бескомпромиссным руководством своей преподавательницы она овладела английским: научилась правильно говорить, писать, не делая орфографических ошибок, и вообще пользоваться родным языком уверенно и даже с некоторым изяществом. Правда, в большинстве случаев она предпочитала делать вид, что вовсе не обладает такими достоинствами. Она полагала, хотя никогда не говорила об этом вслух, что не имеет смысла чувствовать себя как дома в мире миссис Чилкрофт, если ты больше не вхожа в свой собственный мир. Грамотность была нужна ей, чтобы использовать при необходимости, как ценное качество, в коммерческих целях или — гораздо реже — в общении с другими людьми; к этому качеству добавились еще и высокая скорость стенографирования, и владение самыми разными типами текстовых редакторов. Мэнди прекрасно знала, что с устройством на работу у нее никаких трудностей не будет, но хранила верность миссис Крили.

Помимо «уютного уголка», существовало еще и то преимущество, что здесь она чувствовала себя незаменимой и всегда была уверена, что может выбрать себе работу более или менее по своему вкусу. Наниматели-мужчины порой уговаривали ее перейти к ним на постоянную должность, некоторые даже пытались соблазнить ее предложениями, имевшими мало общего с ежегодным увеличением зарплаты, бесплатными талонами на обед или щедрыми отчислениями в пенсионный фонд. Мэнди оставалась верна агентству «Идеал», и привязывало ее к нему нечто большее, чем материальные соображения. Порой она испытывала к своей хозяйке сочувствие человека более взрослого. Неприятности миссис Крили по большей части происходили из-за ее убежденности в вероломстве мужчин в сочетании с неспособностью без них обходиться. Помимо этой, доставлявшей массу неудобств, дихотомии*, жизнь миссис Крили

требовала от нее неустанной борьбы за то, чтобы удержать в своем стойле трудоспособных девушек-стенографисток; к тому же приходилось еще вести войну с бывшим мужем, с налоговым инспектором, с управляющим банком, с владельцем квартиры... Во всех этих травматических перипетиях Мэнди была союзницей миссис Крили, глубоко сочувствующей ей наперсницей. В том, что касалось влюбленностей хозяйки, сочувствие Мэнди объяснялось скорее добродушной снисходительностью, чем пониманием, поскольку в свои девятнадцать лет она не представляла себе, что эта женщина может и в самом деле стремиться к близким отношениям с пожилыми (ведь некоторым из них должно быть уже за пятьдесят!) да к тому же весьма невзрачными мужчинами, время от времени крутившимися в ее офисе. Секс в таком возрасте — чудно! Стоит ли всерьез над этим задумываться?!

После целой недели почти непрерывных дождей вторник обещал быть погожим, лучи солнца то и дело пробивались между низко плывущими по небу кучевыми облаками. Ехать в Уоппинг из Стрэтфорд-Иста было не так уж долго, но Мэнди отправилась в путь с запасом, и когда, свернув с хайвея на Гарнет-стрит, она затем промчалась по Уоппинг-Уоллу и въехала прямо в слепой конец улицы Инносент-Уок, было всего без четверти десять. Сбавив скорость почти до пешеходной, она затряслась по мощенной булыжником, широкой мостовой тупика, огороженного с северной стороны десятифутовой стеной из серого кирпича, а с южной — тремя зданиями издательства «Певерелл пресс».

Первый взгляд на Инносент-Хаус вызвал у Мэнди разочарование. Это было красивое, но ничем не примечательное здание в георгианском стиле; она скорее знала, чем чувствовала, что его пропорции изящны, но оно мало отличалось от других подобных ему домов, встречавшихся ей на улицах и площадях Лондона. Парадный вход был закрыт, за восьмистекольными окнами всех четырех этажей не виделось ни малейшего признака деловой активности. У двух нижних окон имелись изящные балконы с коваными чугунными решетками. С той и другой стороны главного здания располагались два дома поменьше, не столь вычурные; они стояли чуть поодаль, словно почтительные бедные родственники. Мэнди остановилась напро-

тив одного из этих двух домов, на котором красовался номер 10, хотя номеров с первого по девятый нигде и видно не было. Зато она обнаружила, что № 10 отделен от главного здания проулком Инносент-Пэсидж, отгороженным от дороги коваными воротами. Проулок явно служил парковкой для машин сотрудников издательства. Сейчас ворота были открыты, и Мэнди разглядела там троих мужчин, при помощи лебедки спускавших с верхнего этажа огромные картонные коробки, чтобы загрузить их в небольшой автофургон. Один из троих, приземистый парень в потертой шляпе объездчика, сорвал ее с головы и отвесил Мэнди иронический низкий поклон. Другие двое оторвались от работы и смотрели на нее с нескрываемым любопытством. Подняв щиток шлема, Мэнди смерила всех троих обескураживающе холодным взглядом.

Другое небольшое здание отделялось от главного переулком Инносент-Лейн. Именно здесь, согласно наставлениям миссис Крили, Мэнди и должна была найти вход в издательство. Она выключила мотор, слезла с седла и повела мотоцикл по бульжной мостовой, ища местечко поукромнее, где можно было бы его поставить. И тут она впервые заметила реку — неширокое пространство колеблющейся, мерцающей под ясным небом воды. Припарковав «ямаху», Мэнди отыскала в боковом контейнере шляпку, надела ее и, держа под мышкой шлем, а в руке — большую хозяйственную сумку, зашагала к реке, словно ее магнитом тянули к себе мощное дыхание прилива и едва уловимый запах моря.

Она очутилась на широкой площадке, выложенной сверкающими мраморными плитами, с изящной низкой оградой из кованого чугуна. У каждого угла ограды два бронзовых дельфина, сплетясь телами, держали матовые стеклянные шары. Ограда размыкалась посередине, образуя проход, от которого вниз, к реке, вели широкие ступени. Слышно было, как ритмично бьется о камень вода. Восхищенная Мэнди, словно в трансе, будто никогда раньше не видела Темзы, стала спускаться по ступеням. Река мерцала перед ее глазами, далеко раскинув водную гладь, испещренную солнечными бликами, и пока она смотрела, не отрывая взгляда, порыв усилившегося вдруг ветра

12 взбил воду миллионами крохотных волн, превратив

реку в беспокойное внутреннее море. Но вот ветер улегся, и стали стихать волны, непостижимо оставляя за собой спокойную, как прежде, сияющую гладь. Обернувшись, Мэнди только теперь разглядела, что за чудо-дом возвышается перед ней. Инносент-Хаус — четыре этажа цветного мрамора и золотистого камня, — казалось, чуть заметно меняет цвет, то светлея, то словно медленно уходя в тень и обретая иной, густо-золотой оттенок. Высокую резную арку главного входа с обеих сторон обрамляли узкие арочные окна, а над ней возвышались два этажа с широкими балконами резного камня; за ними располагался ряд тонких мраморных колонн, поддерживавших своды оконных арок, украшенных трилистниками. Высокие арочные окна с тонкими мраморными колоннами шли и вдоль верхнего этажа, над которым виднелся парапет плоской крыши. Мэнди ничего не знала об архитектурных деталях, но ей приходилось видеть такие здания раньше: тринадцатилетней школьницей она побывала в Венеции вместе с классом. Плохо организованная дешевая поездка оставила смешанные впечатления. Город запомнился густым летним зловонием каналов, заставлявшим девочек зажимать пальцами носы и визжать от притворного отвращения, переполненными музейными галереями и дворцами, которые — как ее убеждали — были прекрасны, но казалось, вот-вот развалятся на куски и осыплются в воду. Мэнди была слишком юной, когда увидела Венецию, юной и неподготовленной. Сейчас, впервые в жизни, глядя вверх на это чудо, на этот Инносент-Хаус, она ощутила в душе запоздалый отклик на прошлый опыт, смешанное чувство благоговейного восхищения и радости, столь сильное, что она даже немного испугалась.

Транс нарушил мужской голос:

— Ищите кого-нибудь?

Обернувшись, она увидела человека, смотревшего на нее поверх поручней, словно он только что каким-то чудом возник из волн речных. Подойдя поближе, Мэнди разглядела, что он стоит на корме катера, пришвартованного слева от лестницы. На нем была капитанка, сдвинутая чуть ли не на затылок поверх буйных темных кудрей, а на обветренном лице щурились яркие глаза.

— Я насчет работы пришла. Просто смотрела на реку, — объяснила она.

— Ну, она всегда тут, река-то. А вход вон там подальше.

— Да, я знаю.

Демонстрируя свою абсолютную независимость, Мэнди взглянула на часы, повернулась к нему спиной и провела оставшиеся две минуты, разглядывая Инносент-Хаус. Бросив последний взгляд на реку, она направилась вверх по переулку Инносент-лейн.

На наружной двери красовалась табличка — «"Певерелл пресс". Вход свободный». Мэнди открыла дверь и прошла через застекленный вестибюль в приемную. По левую руку она увидела резную конторку и коммутаторный щит, а за конторкой — седовласого человека с добродушным лицом. Он улыбнулся ей, потом проверил, есть ли ее фамилия в списке посетителей. Мэнди вручила ему свой защитный шлем, и он взял его в небольшие, испещренные старческой гречкой руки с такой осторожностью, будто это была бомба, и какое-то время казалось — он просто не знает, что с этим предметом делать. В конце концов он оставил шлем лежать на конторке.

Старик сообщил о ее приходе по телефону и сказал:

— Мисс Блэкетт придет за вами и ответит наверх, к мисс Этьенн. Может быть, вы пока посидите?

Мэнди села и, проигнорировав три свежие газеты, несколько литературных журналов и тщательно подобранные каталоги, веером разложенные на низком столике, принялась разглядывать приемную. Должно быть, когда-то это была элегантная жилая комната: облицованный мрамором камин, над ним картина маслом — «Большой канал» — в раме под стеклом; лепной потолок и резной карниз делали нелепым присутствие здесь конторки в стиле модерн, вполне удобных «практичных» кресел, огромной, крытой зеленым сукном доски для объявлений и клетки лифта справа от камина. На стенах, окрашенных в приятного оттенка темно-зеленый цвет, висели портреты сепией. Мэнди решила, что это предки сегодняшних Певереллов, и как раз поднялась с кресла, чтобы рассмотреть их поближе, когда появилась та, что должна была ее сопровождать — решительная, не очень-то красивая женщина, по-видимому, это она и звалась мисс Блэкетт. Она поздоровалась с Мэнди без улыбки, бросив на нее удивленный и несколько испуганный взгляд и, не представившись, пригласила

следовать за собой. Недостаточно теплый прием несколько не обескуражил Мэнди. Женщина явно была референтом директора по связям с общественностью и хотела продемонстрировать значительность своего положения. Мэнди с такими уже не раз встречалась.

Войдя в холл, Мэнди чуть не задохнулась от восхищения. Она увидела узорный пол, выложенный тщательно подобранными пластинами разноцветного мрамора, из которого вырастали шесть стройных колонн с резными капителями. Колонны подпирали поразительной красоты расписной потолок. Не обращая внимания на явное нетерпение мисс Блэкетт, в ожидании задержавшейся на нижней ступени лестницы, Мэнди остановилась и стала медленно поворачиваться, устремив глаза вверх, а огромный расписной купол плыл над ее головой, как бы кружась вместе с ней. Медленно кружились дворцы, башни с развевающимися над ними флагами, храмы, дома, мосты, река в плавных извивах, украшенная плюмажем парусов, высокие мачты кораблей, а над ними — крохотные херувимы, надувающие щеки, чтобы послать им благодатные ветерки, вылетающие из их вытянутых губ легкими облачками, словно пар из чайника. Мэнди приходилось работать в самых разных зданиях, в офисах из сплошного стекла, с мебелью из стали и кожи, оборудованных по последнему слову электронной техники, и в тесных комнатухах с допотопными пишущими машинками; она рано осознала, что внешний вид и атмосфера, царящая в фирме, не способствуют правильному суждению о ее финансовом статусе. Но ни разу в жизни ей не встречалось здание, хоть сколько-нибудь похожее на Инносент-Хаус.

Они молча поднялись по широким ступеням просторной лестницы. Кабинет мисс Этьенн находился на втором этаже. Очевидно, прежде это была библиотека, но затем помещение разгородили, чтобы получился небольшой «предбанник». Молодая женщина с серьезным лицом, такая худая, что казалось, она страдает анорексией, работала за компьютером и лишь мельком глянула на Мэнди. Мисс Блэкетт отворила дверь в перегородке, объявила:

— Это Мэнди Прайс из агентства, мисс Клаудиа, — и ушла.

После несоразмерно крохотного «предбанника» эта комната показалась Мэнди огромной, когда она